

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава XXIV¹⁾.

На другой день былъ назначенъ торжественный выѣздъ султана въ мечеть на селямликъ.

Изъ посольства намъ прислали билеты для входа въ палатку дипломатическаго корпуса. Въ 10 часовъ утра мы были уже тамъ. Войска въ парадной формѣ стояли шпалерами, охраняя путь между дворцомъ и мечетью.

Съ высотъ Тотанъ-ханэ доносились выстрѣлы въ честь побѣды турецкаго оружія надъ маленькой, злополучной Сербіей. Но здѣсь, конечно, центръ вопроса лежалъ не въ Алексинацѣ, а дальше, у береговъ Невы, и это понималъ каждый...

Ликованію мусульманской толпы, находившейся за линіей охраны, не было границъ: вся она, полная жизни и огня, трепетала и горѣла въ порывахъ дикаго восторга. Слова: „Алексинацъ, Бѣлградъ, Черняевъ“ такъ и рѣзали воздухъ, окружавшій ее, а протяжное эхо повторяло ихъ на тысячу ладовъ.

До начала церемоніи осталось болѣе часа; но мы не теряли времени, занимаясь пріятными разговорами. Макѣевъ, всегда и вездѣ неистощимый въ островахъ, привлекалъ къ себѣ общее вниманіе. Гриневъ забавлялъ дамъ сценами изъ Горбунова. Маленькій, розовый, какъ майскій день, Вурцель декламировалъ что-то изъ „Демона“. Желчный Максимовъ, размахивая во всѣ стороны руками, громилъ политику князя Горчакова, съ чѣмъ никто и не спорилъ.

Казначей Тепловъ, Лишинъ, Базили, Яковлевъ и другіе атташе громко смѣялись, не замѣчая странныхъ улыбокъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

иностранцевъ. Словомъ, русская колонія имѣла такой видъ, какъ будто съ паденіемъ Алексинаца ровно ничего дурного не произошло, а все, наоборотъ, обстояло благополучно.

Въ другомъ концѣ палатки серьезные люди, въ томъ числѣ нашъ Ону и его коллеги обсуждали вопросъ о кредитномъ обращеніи турецкаго банка. На эту тему рассказывали тогда массу анекдотовъ. Одинъ изъ нихъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, и я передаю его здѣсь. „Однажды нищій-калѣка поднялъ на мостовой кошелекъ, туго набитый кредитными билетами. „Аллахъ!“ воскликнулъ несчастный, заливаясь горькими слезами, отдай ихъ лучше нашему падишаху, онъ твоя тѣнь на землѣ, а мнѣ пришли сюда хотя два піастра, чтобы я могъ купить себѣ хлѣба“. Но молитва его не дошла къ небсамъ, а голодь терзала его желудокъ. Тогда нищій направился къ морю и сталъ звать Посейдона.

— „Чего тебѣ надо? спросить грозный богъ, выплывая наверхъ. „Да вотъ принесть тебѣ это богатство, гарантированное всѣмъ достояніемъ Оттоманской имперіи,—бросая ему кошелекъ, говорилъ бѣднякъ,—купи себѣ новый трезубецъ, а мнѣ заплати всего лишь два піастра комиссіонныхъ“.

— „Ахъ ты, жуликъ, чего захотѣлъ?! въ моемъ царствѣ металлическое обращеніе, такъ и скажи своему падишаху, но не бумажное, которое размокаетъ въ водѣ“. Съ этими словами онъ выбросилъ обратно кошелекъ на берегъ и скрылся въ глубинѣ морской, а нищій умеръ съ голоду, обладая громадной суммой оттоманскихъ кредитныхъ билетовъ. Такова мораль этой сказки, авторомъ которой считали тогда Юсуфъ-Изединъ-Эфенди, брата Абдуль-Гамида.

Ждали генерала Игнатъева; но раньше явился Нелидовъ, его замѣститель. Онъ былъ непроницаемъ и на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ: не знаю... увидимъ... кто можетъ это знать и т. д., какъ полагается, вообще, серьезному дипломату. Наконецъ прибылъ и нашъ посоль. Въ толпѣ, стоявшей за цѣпью солдатъ, пробѣжалъ точно вѣтерокъ, и всѣ глаза устремились къ нему. На лицѣ каждаго словно написано было:—ну, что скажешь намъ теперь—Алексинацъ-то взять!..

Моложавый, быстрый въ движеніяхъ, генералъ Игнатъевъ вошелъ на площадку, торопливо обмѣнялся рукопожатіемъ и отвелъ въ сторону барона Каличе.

Улучивъ моментъ, мой дядя спросилъ Ону: „Ну, что? будемъ воевать“?

— Не знаю, но вѣрнѣе всего, что нѣтъ: завтра мы предъявимъ ультиматумъ съ требованіемъ отозвать войска изъ предѣловъ Сербскаго Княжества и съ угрозой дипломатическаго разрыва.

— Кажется, вы опять надѣли розовыя очки? улыбаясь, спросилъ дядя.

— Ошибаетесь!—возразилъ ему собесѣдникъ,---Абдуль-Гамидъ уже дѣлаетъ намъ авансы: сегодня утромъ, напримѣръ, по его личному распоряженію манифестанты были удалены изъ Перы...

— Блаженъ, кто вѣруеть,--получилъ онъ насмѣшливый отвѣтъ,--а затѣмъ уводимъ!..

Раздалась команда: штыки и сабли отразили яркое солнце; ряды сомкнулись, барабаны забили и музыка грянула маршъ.

Вотъ показалась голова шествія: главный тѣлохранитель въ красномъ одѣяніи и вооруженный сѣкирой; за нимъ отрядъ гвардіи въ голубыхъ мундирахъ, расшитыхъ золотомъ съ длинными откидными рукавами и въ страусовыхъ перьяхъ на торбушахъ; албанцы въ бѣлыхъ накрахмаленныхъ юбкахъ; саперы въ кожаныхъ фартукахъ и съ топорами на плечахъ. Далѣе вели подъ уздцы лошадей султана чистѣйшей арабской крови.

Безконечная золотая лента турецкихъ сановниковъ, на великолѣпныхъ аргамакахъ, тянулась въ порядкѣ шествія, сверкая брилліантами въ лучахъ полуденнаго солнца.

Войска сдѣлали на караулъ. И вотъ къ мраморнымъ ступенямъ мечети, окруженный принцами крови, на бѣломъ, какъ снѣгъ, арабскомъ конѣ, подѣхалъ самъ повелитель Ислама, тѣнь Аллаха на землѣ, братъ солнца и луны, убѣжище свѣта и міра ¹⁾ Абдуль-Гамидъ II.

„Падишахимизъ бинъ яша“! (да живетъ нашъ государь тысячу лѣтъ) понеслось къ нему навстрѣчу.

Его худощавая фигура сутуловато держалась въ сѣдлѣ; блѣдное, какъ алебастръ, лицо и черные, нѣжные глаза были точно задернуты пеленой какихъ-то невѣдомыхъ страданій, что придавало ему видъ крайней усталости.

Затѣмъ, онъ сошелъ съ лошади и медленнымъ шагомъ направился ко входу въ мечеть, ни разу не взглянувъ на окружающихъ его, а также не отдавая чести даже войскамъ.

¹⁾ Это существуетъ въ титулѣ султана.

Когда моленіе было окончено, Абдуль-Гамидъ вышелъ на площадку, пересѣлъ въ карету и уѣхалъ другимъ путемъ къ себѣ во дворецъ Ильдивъ-Кіоска.

Полки съ барабаннымъ боемъ разошлись въ разныя стороны, а въ палатахъ дипломатическаго корпуса еще долго обсуждался вопросъ, выступить ли Россія съ оружіемъ въ рукахъ или же ограничится „ультиматумомъ“, пригрозивъ лишь отъѣздомъ своего представителя?..

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

